

Кульшицкий Евгений Александрович

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

**Причины, условия и личность преступника, совершающего
преступления коррупционной направленности в социальной сфере:
криминологический аспект**

Аннотация. В статье автором рассматриваются причины, условия и личность преступника, совершающего коррупционные преступления в социальной сфере, сделанная на основе изучения отечественной литературы, научных статей, существующих современных статистических данных на примере Саратовской и Воронежской областей, Красноярского края о количестве совершенных преступлений коррупционной направленности и о личности преступника.

Ключевые слова: коррупция, причины, условия и личность преступника, социальная сфера, законодательство, статистические исследования.

Российское законодательство, определяет коррупцию, не только через перечисление противоправных действий, которые может совершить любое должностное лицо, но и как незаконное использование должностным лицом своего положения, в том числе и в интересах юридических лиц. При этом такое использование нарушает интересы, как государства, так и гражданского общества, так как государство и отдельный гражданин едины в целом. При этом лицо использует свое должностное положение для получения собственной выгоды или иных преференций [1, с. 78–81.].

Исходя из этого определения, можно заключить что, коррупция это социально – правовое явление, которому присущи различные, но свойственные

только ей детерминанты. Коррупция в социальной сфере представляет собой проявление так называемой «низовой» или бытовой коррупции. Бытовая коррупция в первую очередь характеризуется небольшими размерами и большей теневой составляющей. При этом она не сопряжена с вымогательством, что выводит данный вид коррупции на первое место, так как, различные проявления коррупции в социальной сфере не воспринимаются гражданами как коррупционные преступления, потому что, по мнению большинства граждан, «взятка-благодарность» – не коррупция. Наоборот «взятка-благодарность», является гарантией того, что дело или услуга, оплаченная «взяткой-благодарностью», будет оказана качественно или успешно выполнена.

Всё это приводит к тому, что сегодня коррупция в социальной сфере является гарантом эффективного решения различных проблем граждан.

Практика, связанная с решением проблем с использованием служебного положения дружеских и личных связей, по мнению Э.О. Леонтьева, связана с тем, что в советский и постсоветский период способ решения проблем с использованием «низовой коррупции» считался абсолютно нормальным, и со временем передался по «наследству» подрастающему поколению, поэтому действенен и сегодня.

Так, А.И. Селиванов, О.Н. Ведерникова считают, что основными причинами развития коррупции являются экономические отношения и экономические правонарушения так называемые «откаты». Экономические преступления рождаются в связи с желанием различных должностных лиц улучшить своё материальное положение или использовать для получения собственной выгоды социально незащищенные слои населения [2, с. 34–38].

А.А. Козловцева считает, что рост коррупционных преступлений обусловлен низким материальным обеспечением государственных и муниципальных служащих, отсутствием у них гарантированного социального пакета и достойного пенсионного обеспечения. По его мнению, стимулирование антикоррупционного поведения зависит, в том числе и от

наличия гарантий достойного пенсионного обеспечения и предоставления государственным и муниципальным служащим, а также педагогам и медикам наиболее полного из существующих сегодня социального пакета. Это поможет существенно снизить уровень коррупции, особенно среди педагогов и младшего медицинского персонала. Но государство, вместо того, чтобы активно варьировать антикоррупционное поведение различного уровня государственных служащих, а также педагогических и медицинских работников, препятствует этому.

А.И. Долгова, изучая причины развития коррупционной преступности, считает, что одной из главных причин коррупции является низкая оплата труда государственных и муниципальных служащих, которая не позволяет им поддерживать достойный уровень жизни.

П.Н. Панченко, соглашаясь с А.А. Козловцевой, считает, что основной причиной, породившей коррупцию среди педагогических работников, является то, что появилось большое количество лиц, способных под предлогом оказания различной спонсорской помощи, вкладывать в образовательный процесс свои деньги, проплачивая посредством подкупа не только поступление на учебу своих детей, но и их дальнейшее обучение в вузах, школах и институтах. Ф.Г. Альтбах считает, что, вероятность коррупции возрастает при дефиците у учебного заведения средств и большого количества желающих поступить в данное учебное заведение, например, на бюджетные места.

Наиболее ярким показателем коррупции в социальной сфере, или так называемой бытовой коррупции является бытующее в общественном сознании представление о том, что без связей или дорогих подарков невозможно устроиться в хороший ВУЗ (например, на бюджетное место), попасть на приём к хорошему специалисту (врачу), или найти хорошую работу. Данное правило действует, даже если гражданин имеет льготные условия.

Существующие сегодня, в государстве социально-экономические условия являются наиболее благоприятной средой для развития различных коррупционных факторов и совершения коррупционных преступлений.

По нашему мнению, основными коррупционными факторами выступают: недостаточное обеспечение различных лечебных учреждений лекарственными средствами, средствами гигиены и иными, принадлежностями, плохая обеспеченность учебного заведения литературой, компьютерами и различными учебными пособиями, отсутствие регулярного финансирования ремонта зданий образовательных учебных учреждений, а также бездействие со стороны государственных и муниципальных властей и их служащих.

Кроме того, к факторам, способствующим развитию коррупции, можно отнести неэффективность существующего в России антикоррупционного законодательства, а именно: невозможность привлечения врачей и педагогических работников к уголовной ответственности, в случае совершения коррупционных преступлений при выполнении ими своих профессиональных обязанностей, так как данные лица не относятся к категории должностных лиц, которые могут быть привлечены к ответственности за коррупцию. А также сложность доказывания таких фактов коррупции. Это, по мнению А.Л. Карабанова, ведет к низкой раскрываемости. Трудности выявления коррупционных преступлений в социальных сферах, неразрывно связаны со сложностью получения информации о готовящемся преступлении, лица, уличенные в коррупции, неохотно идут на сотрудничество с правоохранительными органами при расследовании таких преступлений. Особую трудность при расследовании коррупционных преступлений в социальной сфере составляет невозможность фиксации фактов коррупции без предварительной подготовки [2, с. 34–38].

По мнению А.А. Козловцева, борьба с коррупционными преступлениями будет успешной лишь в случае, если, ужесточить санкции за коррупционные преступления и обеспечить неотвратимость наказания. Особенно это касается должностных лиц, занимающих наиболее высокое положение, а также данные меры могут способствовать предотвращению или вовсе искоренению такого явления, как «низовая коррупция».

Кроме выше названных факторов существуют также ещё психологические факторы, способствующие развитию коррупции и коррупционной преступности, в том числе и в социальной сфере. По мнению Я.И. Гилинского, изучающего историю права, психологические причины коррупционной преступности, зависят непосредственно от менталитета граждан страны, где происходит коррупционное преступление. Так психологические причины коррупционной преступности в России связаны с российскими менталитетом, где отношение большинства россиян к коррупции можно продемонстрировать поговоркой – «руки даны, для того чтобы брать».

А.И. Долгова, занимаясь изучением психологических характеристик коррупционных преступников, обратила внимание на то, что большинство коррупционеров различного уровня, ради того, чтобы получить выгоду в виде взятки могут поступиться своей профессиональной честью, моральным долгом или нормами права (закона). Именно моральная неустойчивость является основанием того, что должностное или иное заинтересованное лицо, осуществляющее свою деятельность в социальной сфере, может превысить свои полномочия, и стать инициатором подкупа. Долгова А.И. выводит свои критерии, на основании которых можно сделать вывод о криминальных наклонностях преступника. По ее мнению существует три основных критерия: социально-психологический (взгляды, интересы, стереотипы поведения, умения и социальные установки), социально-демографический (пол, возраст, уровень образования, семейное положение, бытовые условия, род занятий, склонность к девиантно-уголовному поведению) и психофизиологический критерий (особенности поведения с учётом девиантности), на основании которых можно составить криминально-психологический портрет преступника.

С учетом вышеназванных критериев, можно составить портрет личности склонной к различным коррупционным действиям, в том числе и в социальной сфере [1, с. 78–81]. По данным докладов о деятельности в области противодействия коррупции в Саратовской и Воронежской областях и Красноярском крае, а также по информации о состоянии преступности в РФ с

2015 по 2019 г., общее количество преступлений коррупционной направленности, с учетом коррупции в социальной сфере, занимает всего лишь 11 место среди экономических преступлений.

Основываясь на социологических данных, представленных в отчёте об оценке эффективности государственной политики в сфере безопасности и противодействия коррупции в РФ с 2010 по 2019 г., с учётом признаков личности преступника, предложенных Ю.М. Антоняном, П.С. Дагелем, А.Б. Сахаровым, Б.С. Волковой, А.И. Долговой, представляется возможным составить социальный, психологический и демографический портрет личности, склонной к совершению преступлений коррупционной направленности, в том числе и в социальной сфере.

По нашему мнению, лицом, склонным к совершению преступлений коррупционной направленности в социальной сфере, является лицо в возрасте от 25 до 45 лет, занимающее достаточно высокое должностное положение, имеющее склонность к девиантному поведению в связи с профессиональным выгоранием, с уровнем доходом выше среднего, стремящееся улучшить своё материальное и социальное положение в обществе.

П. Панченко, изучая вопрос о возможности привлечения за коррупционные преступления в социальной сфере лиц, занимающих не только государственные или муниципальные должности – педагогических и медицинских работников, или работников сферы ЖКХ, считает, что они могут быть привлечены к ответственности по ст. 290 и 204 УК РФ, но только в случае если будет доказан факт подкупа или взятки за оказываемые им услуги, если же будет доказано что услуги оказывались в форме консультаций работниками, которые не состояли в штате, то они не могут быть привлечены к уголовной ответственности.

Таким образом, субъектом коррупционной преступности является должностные лица или их заместители исполняющие административно-хозяйственные и организационно-распорядительные функции. А, например, медицинский работник, не имеющий право выдавать больничные листы, в

случае обращения к нему гражданина с просьбой о выдаче больничного листа может быть привлечен только к дисциплинарной или административной ответственности.

Но особенность коррупции в социальной сфере заключается в том, что субъектом данного вида коррупционных преступлений выступает как работник социальной сферы, так и государственные, муниципальные служащие.

На основании проведенного криминологического анализа причин, условий и личности преступника, совершающего преступления коррупционной направленности, а также с учетом специфики социальной сферы и общественной опасности деяния [3. с. 53], преступлениями коррупционной направленности в социальной сфере являются: преступления, предусмотренные ст. 159–210 УК РФ, а также, ст.285–291.1 УК РФ, если они совершены государственными и муниципальными служащими, в том числе, неоднократно, и при условии, если они совершены лицами не подпадающими под примечание 1 к ст. 285 УК РФ.

Литература

1. Волконская Е.К. Новые тенденции борьбы с коррупционными преступлениями в статистическом выражении // Российская юстиция. 2017. №7.
2. Плохов С.В. Преподаватель как субъект должностных преступлений // Законность. 2012. №4.
3. Панченко П. Коррупция в образовательных учреждениях: составы преступлений и соотношение с преступными деяниями // Уголовное право. 2005. № 2.